

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

2. Эпоха эллинизма

М.М. Холод

Посвящения Александром Великим греческих храмов

Нет сомнения, что образ Александра Великого начал складываться еще при жизни македонского царя. Определенный вклад в создание этого образа внес и сам Александр, который, бесспорно, прилагал немало усилий к тому, чтобы представить себя перед своими современниками и, надо думать, перед будущими поколениями в наиболее подходящем свете. В настоящем очерке будет рассмотрена одна из сторон подобной деятельности Александра – акции по посвящению им от своего имени греческих храмов.

К сожалению, доподлинно известно только о двух предпринятых македонским царем попытках такого рода, из которых одна оказалась успешной, другая – нет.

Так, до нас дошла надпись с текстом его посвящения храма Афине Полиаде, богине-покровительнице Приены: «Царь Александр посвятил храм Афине Полиаде» (IvPriene. № 156 – Βασιλεὺς Ἀλέξανδρος ἀνέθηκε τὸν ναὸν | Ἀθηναίῃ Πολιάδι)¹. И, в свою очередь, сохранился рассказ географа Артемидора (flor. ок. 100 г. до н. э.)², переданный Страбоном, согласно которому Александр пообещал гражданам Эфеса уплатить все из-

¹ Обнаруженная английскими археологами в 1868 г. и находящаяся сейчас в Британском музее, эта надпись прекрасно сохранилась, вследствие чего прочие ее публикации ничем не отличаются от варианта, предлагаемого Ф. Хиллером фон Гертрингеном в его сборнике надписей из Приены, см.: Hicks–Hill². № 156; Ditt. Syll.³ № 277; Tod. № 184; Heisserer A. J. Alexander the Great and the Greeks. The Epigraphic Evidence. Norman (OK), 1980. P. 143; R–O. № 86 A.

² Общую информацию о нем см.: Berger H. Artemidoros (27) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 1329 f.; Gärtner H. Artemidoros (1) // KP. Bd. I. Sp. 617. Далее все даты, имеющие отношение к античному времени, – до н. э.

держки, как прежние, так и будущие, по восстановлению их знаменитого храма Артемиды на том условии, что в посвятительной надписи будет значиться его имя; но, по Артемидору, эфесцы отклонили предложение македонского монарха, и один из них заявил ему, «что не подобает богу делать приношения богам» (ὥς οὐ πρόποι θεῶν θεοῖς ἀναθήματα κατασκευάζειν) (Strab. XIV. 1. 22. 641).

Долгие годы исследователи в общем единодушно считали, что приенская посвятительная надпись относится к 334 г., когда Александр, направляясь из Эфеса к Милету, должен был пройти через Приену. Против подобного традиционного взгляда, однако, решительно выступил Э. Бэдиан, который попытался доказать, что это посвящение нужно датировать более поздним временем³. В защиту своей точки зрения Э. Бэдиан выдвинул два аргумента: во-первых, он обратил внимание на присутствие в посвятительной надписи царского титула, который, по его мнению, Александр начал использовать в отношениях с греками только после конца 333 г., т. е. после битвы при Иссе (самый ранний, согласно исследователю, точно датируемый пример использования им царского титула принадлежит 329 г.: Ditt. Syll.³ № 381. стк. 1⁴), а во-вторых, выразил сомнение в том, что строительство приенского храма Афины Полиады было завершено как раз к моменту прибытия в Приену македонского монарха, получившего тем самым возможность посвятить его от своего имени, т. е. неправдоподобно быстро компенсировать собственную недавнюю неудачу, когда накануне в Эфесе ему было отказано сделать то же самое в связи с храмом Артемиды (здесь имеется в виду рассказ Артемидора/Страбона)⁵. Более вероятно, считает Э. Бэдиан, что во время пребывания в Приене Александр ограничился тем, что за право посвящения от своего имени храма Афине Полиаде пообещал приенцам значительную сум-

³ Стоит отметить, что сомнение в необходимости отнесения посвящения именно к 334 г. было высказано (правда, без приведения должной аргументации) еще в работе: Asboeck A. Das Staatswesen von Priene in hellenistischer Zeit. Diss. München, 1913. S. 1 ff.

⁴ Ditt. Syll.³ № 241. С. стк. 149 – имеется в виду эта надпись (у Э. Бэдиана допущена неточность).

⁵ Относительно датировки соответствующего отказа эфесцев Александру, впрочем, см. ниже.

му денег, которую он должен был предоставить после того, как сооружение храма будет закончено. В итоге Э. Бэдиан пришел к заключению: надпись с посвящением нужно датировать двумя-тремя годами позже посещения македонским царем Приены⁶. Подобную датировку Э. Бэдиана затем поддержал и по-своему уточнил Э. Дж. Хейссерер, который хотя и не признал убедительным первый аргумент своего предшественника, однако вполне согласился с его вторым аргументом, несколько развив последний. По словам Э. Дж. Хейссерера, Александр в 334 г. дал обещание гражданам Приены выделить деньги на завершение строительства храма Афине Полиаде при условии, что ему будет позволено посвятить его от своего имени, но выполнить собственное обещание немедленно он был не в состоянии, поскольку не имел тогда в достаточном количестве финансовых средств. Сделать это и взамен добиться от приенцев публикации посвячительной надписи македонский монарх смог только позднее, в какое-то время между 333 и 330 г. (возможно, в конце 331 г., после сражения при Гавгамелах), когда в его руках оказались большие богатства, позволившие ему совершать денежные траты и на религиозные дела⁷.

Надо признать, что вышеприведенные аргументы Э. Бэдиана и Э. Дж. Хейссерера на первый взгляд могут показаться достаточно убедительными⁸. И все же при более пристальном

⁶ Badian E. *Alexander the Great and the Greeks of Asia* // *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on His 75th Birthday*. Oxford, 1966. P. 47 f., 64, n. 41.

⁷ Heisserer A. J. *Alexander the Great...* P. 157 f., 164 ff.

⁸ Неудивительно, что они были поддержаны некоторыми исследователями, к примеру: Demand N. *The Relocation of Priene Reconsidered* // *Phoenix*. 1986. Vol. 40. P. 38. Вместе с тем приходится констатировать, что под влиянием ли аргументов Э. Бэдиана и Э. Дж. Хейссерера или нет тенденция к тому, чтобы отказаться от традиционной датировки приенской посвячительной надписи и датировать ее более поздним временем правления Александра, чем 334 г., наметилась сейчас в научной литературе довольно отчетливо, см.: Hornblower S. *Mausolus*. Oxford, 1982. P. 323 f.; Sherwin-White S.M. *Ancient Archives: The Edict of Alexander to Priene, a Reappraisal* // *JHS*. 1985. Vol. 105. P. 70; ср.: *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer*. Tl. I. Zeugnisse und Kommentare / Hrsg. von K. Bringmann, H. von Steuben. Bearbeitet von W. Ameling, K. Bringmann, B. Schmidt-

рассмотрении данных аргументов становится ясно, что серьезных оснований к тому, чтобы посредством их категорически отвергать прежнюю датировку приенской посвяtitельной надписи, нет.

Действительно, наличие в надписи царского титула⁹ отнюдь не способно быть использовано в качестве бесспорного доказательства ее более позднего появления, нежели 334 г. И хотя в самом деле следует думать, что где-то начиная со времени сражения при Иссе Александр начал использовать царский титул в том, что касалось греков, все чаще и чаще, тем не менее решительно утверждать, что он совершенно не применял его в подобной связи, по крайней мере, вплоть до этого момента, едва ли допустимо: так, с царским титулом Александр предстает в надписи из явно в ту пору греческого по своему характеру святилища – Летоона в Ксанфе (SEG. XXX. № 1533 – Ἀλέξανδρος βασιλεὺς ἀ[νέθηκε]), надписи, сопровождавшей некий посвяtitельный дар македонского царя Лето и, как кажется, довольно

Dounas. Berlin, 1995. № 268 [E]. S. 313 f.; также ср. комментарий П. Родса и Р. Осборна к данной надписи (№ 86. P. 434). Впрочем, необходимо признать, что в своем большинстве ученые все-таки не выказали поспешности в том, чтобы следовать подобной датировке, либо отдавая предпочтение в данной связи традиционной точке зрения (например: Edmunds L. The Religiosity of Alexander // GRBS. 1971. Vol. 12. P. 371; Carter J. C. The Sculpture of the Sanctuary of Athena Polias at Priene. London, 1983. P. 26 ff.; Bosworth A. B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 253; Crowther C. V. I. Priene 8 and the History of Priene in the Early Hellenistic Period // Chiron. 1996. Bd. 26. S. 219), либо вовсе уклоняясь от решительных заявлений по этому вопросу (в частности: Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxford, 1989. P. 216 f.).

⁹ Как было сказано выше, это аргумент Э. Бэдиана: Э. Дж. Хейссерер не поддержал его в данном случае, допуская возможность использования Александром царского титула в отношениях с греками уже в 334 г. (Heisserer A.J. Alexander the Great... P. 91 f., 158). Вместе с тем отметим, что Э. Бэдиан не изменил своей точке зрения в подобном вопросе и позднее, см.: Badian E. Alexander the Great between Two Thrones and Heaven. Variations on an Old Theme // Subject and Ruler. The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. Papers Presented at a Conference Held in the University of Alberta on April 13–15, 1994, to Celebrate the 65th Anniversary of D. Fishwick / Ed. by A. Small. Ann Arbor, 1996. P. 11 f.

четко датируемой зимой 334/3 г., т. е. его кампанией в Ликии¹⁰. Кроме того, важно иметь в виду, что в Македонии еще накануне восточной кампании Александра, по всей видимости, не было прочно устоявшейся практики использования в документах рядом с именем правителя царского титула: в данном случае показательны две относящиеся к этому времени надписи, происходящие с территории Македонского государства, из которых в одной Александр упомянут только по имени (SEG. XXXIV. № 664. I. стк. 3; II. сткк. 5, 11 sq.), а в другой – с царским титулом (SEG. XXXVI. № 626. сткк. 5 sq.)¹¹. Возможно, указанная ситуация стала характерной для Македонии именно в этот период. Как доказывает Ю. Н. Борза, находящиеся в нашем распоряжении данные источников заставляют полагать, что вплоть до Александра македонские правители официально не носили царского титула: судя по всему, последний появляется и становится все более и более употребительным в документах только при этом монархе, который трансформировал традиционное родовое главенство, осуществляемое Аргеадами над македонянами и их землями, в формально царскую власть¹². Насколько правомерен такой вывод американского ученого, покажут новые эпиграфические находки. Однако вне зависимости от того, будем ли мы считать, что первым из македонских правителей царский титул начал формально носить Александр, или получим неопровержимые доказательства того, что соответствующим образом поступал уже кто-то из его предшественников, совершенно ясно, что ни-

¹⁰ Надпись была найдена в 1976 г. (к сожалению, ее исчерпывающей публикации до сих пор нет). О ней в интересующем нас аспекте см. особенно: Le Roy M. Ch. 1) Alexandre en Lycie (Plutarque, Alexandre, 17, 4–6) // REG. 1977. T. 90. P. XXI s.; 2) Alexandre à Xanthos // Actes du colloque sur la Lycie antique / Ed. par H. Metzger. Paris, 1981. P. 56 s.; Schenkungen... № 302 [E]. S. 375 f.; к тому же см.: Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 183.

¹¹ Публикацию этих надписей см. также в издании: Hatzopoulos M. V. *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. II. Athens, 1996. № 6 (P. 26 f.), 62 (P. 84 f.); ср., однако, датировку, приведенную для них М. Хадзопулосом, с датировкой Ю. Н. Борзы (Borza E. N. *Before Alexander: Constructing Early Macedonia*. Claremont (California), 1999. P. 14, n. 16), за которой мы в данном случае и следуем.

¹² Borza E. N. *Before Alexander*... P. 12 ff.

какого строго соблюдаемого порядка в официальном обозначении этого монарха в Македонии, во всяком случае, до определенного момента (если вообще), не было. Учитывая данное обстоятельство, тем более представляется сомнительным, что Александр в первые годы пребывания у власти придерживался неизменной четкости в этом отношении в своих делах с греками, каждый раз заботясь о том, чтобы в документах, касавшихся последних, называть себя исключительно по имени. Скорее всего надо думать, что в такого рода документах Александр с самого начала использовал для своего официального обозначения обе указанные формы, но если форма, включающая только имя, применялась им более часто в первое время правления, то постепенно, с усилением у Александра автократических тенденций, обусловленных главным образом его военно-политическими успехами на Востоке, преобладающей в подобной связи (вероятно, также и в Македонии) становится форма, включающая вместе с личным именем царский титул¹³.

Далее, нет явной нужды разделять и неверие Э. Бэдиана и Э.Дж. Хейссерера в то, что окончание строительства храма Афины Полиады совпало как раз с прибытием в Приену македонского царя: если следовать той точке зрения (которая кажется достаточно обоснованной), что начало сооружения храма должно приходиться приблизительно на 350 г. или скорее всего на 340-е гг.¹⁴, то нет ничего невероятного в том, что он был готов ко времени малоазийской кампании Александра настолько, чтобы его возможно было посвятить¹⁵. Но даже если допустить, что храм Афины

¹³ Процесс вытеснения в связи с греками одной формы другой, как кажется, засвидетельствован в надписях уже достаточно отчетливо в 332 г.: Tod. № 184. сткк. 1, 7, 18 («первое письмо» Александра Хиосу); № 191. сткк. 6, 14, 60; ср. сткк. 128, 143 (серия надписей о суде над Агониппом и Эврисилаем, тиранами Эреса).

¹⁴ См.: Demand N. The Relocation... P. 38 f.; Botermann H. Wer baute das neue Priene? Zur Interpretation der Inschriften von Priene Nr. 1 und 156 // Hermes. 1994. Bd. 122. S. 171 ff. (со ссылками на соответствующую научную литературу); кроме того, см.: Carter J. C. The Sculpture... P. 32 ff.

¹⁵ Будем ли мы вслед за Ф. Хиллером фон Герtringеном относить приенскую надпись в честь неокора Артемиды Эфесской Мегабиза, где говорится об окончании строительства храма Афины Полиады (IvPriene. № 3. сткк. 6 sq.; = Ditt. Syll.³ № 282), к 334/3 г. (или вскоре после этого) (S. 5 f.)

Полиады был еще в процессе сооружения, когда Александр появился в Приене, непременно сомневаться, как Э. Бэдиан и Э. Дж. Хейссерер, в состоятельности македонского царя тотчас оплатить требующуюся для этого сумму и уже в тот момент получить от приенцев взамен право посвящения от своего имени храма богине, думается, едва ли необходимо: исходя из указанной точки зрения на начало строительства храма Афины Полиады, стоит полагать, что если он и не был завершен к приходу Александра, то во всяком случае был близок к завершению (до такой степени, чтобы функционировать), а значит, денег на его строительство требовалось не столь уж много; учитывая же при этом, что в период кампании в Малой Азии финансовое положение Александра было хотя и весьма тяжелым, но, судя по всему, отнюдь не катастрофичным¹⁶, кажется, что подобную сумму (или часть ее) он при желании был вполне способен найти и в данное время. С другой стороны, считать, что Александр должен был во что бы то ни стало участвовать в финансировании строительства храма Афины Полиады, если последний к его приходу пребывал еще не в подобающей готовности, вовсе не обязательно: трудно представить, чтобы граждане такого полиса, как Приена, посмели отказать Александру в его стремлении, пусть и неподкрепленном деньгами, посвятить храм от своего имени, тем более что македонский царь мог пообещать им за это определен-

либо признаем верной датировку, предложенную для нее К. В. Кроутером, – 296/5 г. (Crowther C. V. *Priene* 8... P. 207 ff.), речь в данном случае может идти только о завершении определенного этапа в сооружении храма, поскольку окончательное прекращение его строительства, как и храмового комплекса в целом, приходится, судя по всему, лишь где-то на середину II в. (Schede M. *Die Ruinen von Priene*. 2. Aufl. Berlin, 1964. S. 33). Ср.: Crowther C. V. *Op. cit.* P. 219 ff.

¹⁶ О затруднительном финансовом положении Александра в самом начале его восточного похода говорят Арриан и Плутарх (Arr. *Anab.* VII. 9. 6; Plut. *De Alex. fort.* 1. 3. 327 d; 2. 11. 342 e; *Alex.* 15). Понятно, что оно не могло значительно улучшиться до тех пор, пока в руки Александра после его победы при Иссе не попали большие персидские сокровища, хотя, по-видимому, стоит полагать, что несколько выправить состояние своих финансов македонским царю удалось уже во время его малоазийской кампании. Ср.: Bosworth A. B. *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. *Commentary on Books I–III*. Oxford, 1980. P. 142; Le Rider G. *Alexandre le Grand: monnaie, finances et politique*. Paris, 2003. P. 108 s., 113 ss.

ные привилегии, которые он, не исключено, сразу же и предоставил, отразив их в изданном им в отношении приенцев эдикте (IvPriene. № 1)¹⁷.

Таким образом, думается, ясно, что доводы, приводимые Э. Бэдианом и Э. Дж. Хейссерером в пользу необходимости пересмотра прежней датировки посвяtitельной надписи¹⁸, не имеют достаточной силы. Вместе с тем нельзя не признать, что при отсутствии в наших источниках какой-либо дополнительной информации в связи с этим документом сложно представить весомые конструктивные аргументы и в защиту традиционной датировки. Однако пока не найдутся новые данные, кажется более предпочтительным относить эту надпись к 334 г., когда Александр, находясь в Малой Азии, лично посетил Приену: очевидно, что именно в этот момент, нежели когда-либо позднее, македонскому царю было не только гораздо естественнее думать о посвящении храма Афины Полиады, но и сподручнее осуществить подобную свою идею на практике; к тому же было бы странным, если бы Александр, чрезвычайно заинтересованный как раз тогда в рекламе перед греческим миром своего военного предприятия на Востоке, ограничился, будучи в Приене, лишь получением некоего эфемерного обещания со стороны ее жителей выбить посвяtitельную надпись в дальнейшем, а не сделал это немедленно, тем самым упустив, помимо прочего, прекрасный

¹⁷ Иные публикации: Hicks–Hill². № 155; OGIS. № 1; Tod. № 185; Heisserer A.J. Alexander the Great... P. 146; Sherwin-White S. M. Ancient Archives... P. 80 f.; R–O. № 86 В. Как убедительно показала С. М. Шеруин-Уайт, дошедшая до нас надпись – не оригинальный эдикт Александра, а его экстракт, опубликованный приенцами в храме Афины Полиады в более позднюю эпоху, при Лисимахе (ок. 285 г.) (Sherwin-White S. M. Op. cit. P. 69 ff.). О времени составления оригинального текста этого документа см. подробно: Холод М. М. Надписи из Приены и Александр Великий: к проблеме датировки двух эпиграфических текстов // Antiquitas aeterna. 2005. Вып. 1. С. 10 слл., где доказывается, что эдикт был издан македонским царем в 334 г.

¹⁸ Отметим, что это единственные (известные нам) доводы, с помощью которых отстаивается подобная мысль: остальные исследователи, склонные также датировать посвяtitельную надпись более поздним временем правления Александра, ограничиваются лишь неопределенными замечаниями на данный счет; см. выше прим. 8.

шанс очередной раз наглядно продемонстрировать перед греками свое особое отношение к богине Афине, представлявшейся им в то время наиболее активно покровительницей того «крестового похода», который он вел против варваров-персов¹⁹.

Что же касается инцидента, связанного с намерением Александра посвятить храм Артемиды Эфесской, то, напротив, датировать его, как это обычно делается, 334 г., т. е. временем, когда Александр находился в данном городе²⁰, кажется, едва ли правомерно. И в самом деле, Александр, как уже отмечалось, испытывавший в период кампании в Малой Азии весьма ощутимые финансовые трудности, был в ту пору, бесспорно, не в состоянии оплатить *все*, и прошлые, и будущие, издержки по восстановлению храма Артемиды: возможность выделить столь колоссальную сумму денег появилась у него лишь позднее, по меньшей мере, после победы при Иссе, когда в руках у македонян оказались большие персидские богатства. Кроме того, показательно, что в наших источниках сохранилось достаточно сведений о значительном расположении Александра к эфесцам и их знаменитому святилищу: так, известно, что когда македонский царь был в Эфесе, он принес жертву Артемиде и провел в ее честь военный парад (Арг. Anab. I. 18. 2); предписал, чтобы форос, который эфесцы ранее платили персам, шел на нужды храма Артемиды (Арг. Anab. I. 17. 10)²¹; вероятно, тогда же расши-

¹⁹ О том особом отношении, которое выражал Александр к богине Афине в начале своей восточной кампании, см.: Bosworth A. B. 1) *A Historical Commentary... Vol. I. P. 102*; 2) *Conquest... P. 253*.

²⁰ Помимо работ Э. Бэдиана и Э. Дж. Хейссерера (Badian E. *Alexander the Great... P. 47*; Heisserer A. J. *Alexander the Great... P. 157 f.*), эта традиционная датировка нашла отражение, в частности, в следующих трудах: Tarn W. W. *Alexander the Great. Vol. I. Cambridge, 1948. P. 33*; Ранович А. Б. *Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 54*; Edmunds L. *The Religiosity... P. 371 f.*; Lane Fox R. *Alexander the Great. London, 1973. P. 130*; Шахермайр Ф. *Александр Македонский / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника, Б. Функа. М., 1984 (нем. изд.: Wien, 1973). С. 110*; Green P. *Alexander of Macedon, 356–323 B. C. A Historical Biography. Berkeley; Los Angeles; London, 1991. P. 186*; из более новой литературы см., например, комментарий П. Родса и Р. Осборна к приенской посвячительной надписи Александра (№ 86. P. 434).

²¹ Интерпретацию этого предписания как привилегии, данной эфесской общине, см.: Холод М. М. *Aphorologesīa греческих городов Малой*

рил территорию святилища, точнее, границы убежища в нем (Strab. XIV. 1. 23. 641); поместил здесь свой портрет, на котором Апеллес изобразил Александра с молнией в руке (Plin. N. H. XXXV. 92; ср.: Plut. De Is. et Osir. 24. 360 d; Alex. 4); вел дружескую переписку с неокором Артемиды Мегабизом (Plut. Alex. 42). Как представляется, подобное доброжелательное отношение македонского царя было вряд ли возможно после получения им отказа от эфесской общины посвятить храм Артемиды в 334 г. Наконец, важно подчеркнуть, что никакой информации на счет того, чтобы Александра называли богом уже в самом начале его похода на Восток, нет²². Таким образом, по всей видимости, стоит считать, что данный эпизод, описанный Артемидором/Страбонном, если, конечно, он историчен (во всяком случае, причин для сомнения по этому поводу не видится)²³, должен быть отнесен не к 334 г., а к более позднему моменту – скорее всего к последним годам жизни македонского монарха, когда его обожествление греками, в том числе малоазийскими, стало свершившимся фактом²⁴.

Азии при Александре Великом // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 136 сл.

²² X. Хабихт датирует установление культа Александра в греческих общинах Малой Азии, и в том числе в Эфесе, еще 334 г. (Habicht Ch. Gottmenschen und griechische Städte. 2. Aufl. München, 1970. S. 17 ff.), что, однако, едва ли верно; критику подобного мнения с предложением относить установление культа македонского царя в малоазийских греческих городах к концу правления Александра см., к примеру: Badian E. 1) The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 60 ff.; 2) Alexander the Great between Two Thrones and Heaven... P. 25; Walbank F. W. Monarchies and Monarchic Ideas // САН. 2nd ed. Vol. VII. Cambridge, 1984. P. 90; Stewart A. Faces of Power. Alexander's Image and Hellenistic Politics. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 99, 102.

²³ По поводу его историчности особенно см.: Badian E. Alexander the Great between Two Thrones and Heaven... P. 25; ср.: Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский... С. 180 сл.; однако: Botermann H. Wer baute das neue Priene? S. 182.

²⁴ Следует указать, что потом Э. Бэдиан отказался от датировки инцидента в Эфесе 334 г. (см. выше прим. 20), отнеся его ко времени незадолго до смерти Александра: Badian E. Alexander the Great between Two Thrones and Heaven... P. 25; ср.: Badian E. The Deification... P. 61, n. 56. Датировать

Итак, сказанное выше, на наш взгляд, не позволяет датировать предпринятые Александром акции по посвящению греческих храмов исключительно каким-то определенным этапом его правления: по всей видимости, они имели место в период восточной кампании македонского царя в целом. И хотя сохранившаяся информация на данный счет связана только с храмами Малой Азии, кажется, едва ли мы будем не правы, если предположим, что Александром делались и другие посвящения такого рода, о которых нам сейчас, к сожалению, просто ничего не известно: действительно, принимая во внимание то, что македонский царь, судя по тем свидетельствам, которые до нас дошли, проявлял подобную склонность, сложно представить, чтобы храмы греческим богам, которые он строил или помогал реконструировать, не имели – хотя бы некоторые из них – соответствующих посвячительных надписей.

Но чем же руководствовался Александр, когда посвящал (либо пытался посвятить) от своего имени тот или иной греческий храм? Нет сомнения, что подобного рода поступки македонского монарха имели четкую пропагандистскую направленность: выбитые на стенах святилищ эти его посвящения должны были публично продемонстрировать благочестие Александра, а главное – служить наглядным свидетельством могущества власти последнего, его особой связи с миром богов. При этом представляется очевидным, что посредством данных посвящений, отраженных в надписях, македонский царь стремился создать нужное впечатление о себе не только в тогдашнем эллинском обществе: надо полагать, они должны были донести соответствующий образ Александра и до будущих поколений.

Как теперь известно, Александр не был первым, кто стал посвящать от своего имени храмы греческим богам: приоритет в этом отношении принадлежит карийским династам Гекатомнидам, которые порвали с прежде существовавшей у греков традицией, включавшей какую-либо фиксацию на здании храма информации о

это событие более поздним временем также склонны: Ehrenberg V. *Alexander and the Greeks* / Engl. trans. by R. F. von Velsen. Oxford, 1938. P. 14; Bosworth A. B. *A Historical Commentary...* Vol. I. P. 132 f. (ср.: Bosworth A. B. *Conquest...* P. 290); Schenkungen... № 264 [L]. S. 307 f.; Nawotka K. 1) *Freedom of Greek Cities in Asia Minor in the Age of Alexander the Great* // *Klio*. 2003. Bd. 85. S. 29; 2) *Aleksander Wielki*. Wrocław, 2004. S. 186 n.

посвящающем, общине или отдельном лице²⁵. В данной связи особенно показательна посвятельная надпись Идриея (351/0–344/3 гг.), которая помещалась на архитраве фасада храма Зевса в Лабраундах: «Идрией, сын Гекатомна, миласец посвятил храм Зевсу Лабраундскому» (Labraunda. III. 2. № 16 – Ἰδριεὺς Ἐκα[τόμιω Μυλασεὺς ἀνέθηκε τὸν ναὸν Διὶ Λαμβραύ]ιδων)²⁶. Однако совершенно не обязательно думать, что македонский царь знал о подобной практике Гекатомнидов, когда, по всей видимости, в 334 г. посвящал храм Афине Полиаде в Приене (отнюдь не исключено, что он выяснил это только после покорения Кари): во всяком случае, примечательно, что посвятельная надпись Александра располагалась здесь не столь откровенно, как надпись Идриея, именно – наверху анты прохода в преддверие храма. Если это так, то, в свою очередь, допустимо, что намерение македонского царя посвятить храм Артемиды Эфесской, вероятно, более позднее, должно было предполагать появление соответствующей надписи уже на архитраве фасада здания, по образцу храма Зевса в Лабраундах (возможно, таковыми были и другие его надписи подобного рода, которые до наших дней не сохранились). Впрочем, надо признать, что местонахождение посвящения Александра в храме Афины Полиады могло быть обусловлено не тем, что македонский царь действовал в Приене еще довольно нерешительно, ибо считал себя первым, кто посвящает греческий храм от своего имени, а иной причиной: попросту недостаточной готовностью самого здания святилища к моменту публикации этой надписи. Но независимо от того, будем ли мы полагать, что Александр пришел самостоятельно к идее посвящать храмы от своего имени, или нет, представляется очевидным, что именно подобная деятельность македонского царя, а не Гекатомнидов, привела к укоренению и достаточно широкому распространению аналогичной практики впоследствии – в эллинистический и римский (прежде всего императорский) периоды, а затем, уже через данное посредничество, и в более позднюю эпоху²⁷.

²⁵ Об этом см. подробно: Hornblower S. Mausolus. P. 274 ff.

²⁶ Прочие посвятельные надписи Гекатомнидов на зданиях в Лабраундах: Labraunda. III. 2. № 13–15, 17–19.

²⁷ Действительно, практика Гекатомнидов по посвящению храмов и других зданий религиозного характера, видимо, так и не вышла за пределы Кари до Александра (Hornblower S. Mausolus. P. 277 ff.). По-иному, одна-

M. M. Kholod

Dedications of the Greek Temples by Alexander the Great

The paper is devoted to the activity of Alexander which was connected with the Greek temples' dedications carrying his name. There are testimonia only on two the Macedonian king's attempts to make such dedications: the one was successful (the dedication of the temple of Athena Polias at Priene – IvPriene. № 156), the second was not so (the dedication of the temple of Artemis at Ephesos – Strab. XIV. 1. 22. 641). It appear the both cases to be related to the different stages of Alexander's campaign: the author of the present paper adduces proofs in favor of the opinions to date the Prienian dedication to 334 and the action in Ephesos to the last years of the king. There is no information though, it is likely that Alexander also dedicated another Greek temples and religious buildings which he constructed or helped to reconstruct. Undoubtedly such an activity of the king had the propagandistic aims: inscribed in conspicuous position of the buildings these Alexander's dedications had to demonstrate his piety and, above all, to be the visible illustrations of his power and his special connection with the world of Gods. It is possible that the king tried to produce through the dedications corresponding impression about himself not only on the then Greek society: it seems that they had to preserve such an image of Alexander to the future generations. It is known that the first who began, resolutely breaking tradition, to make temples' dedications carrying the name of the dedicant, was not Alexander but the Hekatomnids of Caria. However it is clear that such an activity of the Macedonian king, not the

ко, дело стало обстоять в этом отношении после Александра, причем, насколько можно судить, уже в ближайшее от него время: так, известна датированная 323–316 гг. посвятельная надпись Филиппа III и Александра IV, которая помещалась на архитраве фасада одного из зданий на территории святилища Великих богов на Самофракии: «Цари Филипп и Александр – Великим богам» (Βασιλεῖς Φίλιππος ἰ' Ἀλέξανδρος ἑοὶς μεγαλοῖς). Публикации данной надписи: McCredie J. R. 1) Samothrace: Preliminary Report on the Campaigns of 1965–1967 // *Hesperia*. 1968. Vol. 37. P. 222; 2) Samothrace: Supplementary Investigations, 1968–1977 // *Hesperia*. 1979. Vol. 48. P. 8; SEG. XXIX. № 800; к этому см. также: Schenkungen... № 233 [E]. S. 361. Другие примеры таких посвящений, принадлежащих эллинистической эпохе: Hornblower S. Op. cit. P. 285 f.

Hekatomnids, led to establishing and widely spreading this practice afterwards, in the Hellenistic and Roman (first of all, Imperial) periods and then, through this mediation, in the later epoch.

